

Место славянофильства в типологии консерватизма

Андрей Тесля

*Старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли
ИГН БФУ им. И. Канта,
ул. Чернышевского, д. 56а, Калининград
E-mail: mestr81@gmail.com*

Место славянофильства в типологии консерватизма ¹

Аннотация:

Русское славянофильство 1840–1880-х в истории политической мысли имеет две устоявшиеся традиции интерпретации — как вариант консервативной идеологии и как, наряду с западничеством, одна из форм русского либерализма 1840-х (в этом случае позднюю историю славянофильства, 1860–1880-е годы, традиционно рассматривают как отход от изначальных либеральных позиций). Отталкиваясь от концепции Анджея Валицкого, в статье предпринимается попытка показать, с чем связана эта специфическая двойственность оценок: славянофильство понимается как либеральный консерватизм, при этом демонстрируется структурная обусловленность либеральной составляющей славянофильских воззрений. Особое внимание уделяется анализу процессов, приведших к преобладанию

---

¹ Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18–18–00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

интерпретации русского славянофильства как консервативной идеологии, в которой либеральная составляющая определяется как ситуативная. Причиной такой трактовки определяется специфическое положение русского либерализма последних десятилетий XIX века, когда националистическая повестка осмысляется как целиком принадлежащая консервативной части политического спектра.

Ключевые слова:

западничество, либеральный консерватизм, национал-либерализм, русский либерализм, славянофильство

**«Консервативная утопия» Анджея Валицкого:
проблематичность концепции**

Наиболее авторитетной работой по истории русского славянофильства по сей день остается известная монография Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии», впервые опубликованная почти шестьдесят лет тому назад² [рус. пер.: Валицкий 2019]. Как видно из самого названия работы, Валицкий квалифицирует славянофильство как консервативное направление³ — определяя его генезис сложным сочетанием двух кон-

---

² Польское издание вышло в 1964 году, в 197 был опубликован английский перевод.

³ В данной работе мы, как и Валицкий, используем понятия «консерватизма» и «либерализма» (как и «социализма») в рамках традиции, восходящей к К. Манхейму [см.: Манхейм 1994б; 1994а], тяготеющей, однако, к снятию противопоставления «идеологии» и «утопии». Прежде всего, речь идет об идеологиях как о мировоззрениях — «большие идеологии» понимаются как феномен эпохи буржуазных революций и трактуются в границах XIX столетия. Соответственно, предельно схематизируя, «либерализм» понимается как идеология, отражающая господство буржуазии (средней и крупной) и соответствующих порядков буржуазного общества. «Консерватизм» выражает отрицание буржуазных преобразований, сохранение политического господства прежних правящих классов [см. подробную характеристику в русле идей, близких к воззрениям Валицкого: Шацкий 2018: 183 и сл.].

Подчеркнем, что речь идет именно о «больших идеологиях», а отнюдь не о «русском либерализме», к примеру (в понятийном плане требующем отдельного рассмотрения — и вызывавшего обильные дебаты уже современников, с 1860-х, насколько здесь определяющим оказывается именно характеристика «русский», а не собственно «либерализм»). Нами принимается теоретическая рамка Валицкого, т. е. мы не входим в обсуждение других, более чем многочисленных трактовок «консерватизма», «либерализма» и «социализма», что в противном случае грозило бы не только сильно увеличить размеры работы, но и принципиально сместить проблематику. Данный текст во многом написан «поверх» классического труда Валицкого, принимая его структурные разграничения — и претендует не на внешнюю, а на имманентную критику «В кругу консервативной утопии».

сервативных течений европейской мысли первых десятилетий XIX века:

— во-первых, католического, романского консерватизма — ориентированного на рационалистическую традицию, обращаясь к томистскому и/или августиновскому наследию, представленного именами Бональда, де Местра, Балланша и др.;

— во-вторых, немецкого романтического консерватизма, в первую очередь — круга йенских романтиков и их последующей эволюции, где можно в первую очередь назвать братьев Шлегелей, Шеллинга, а не из числа йенцев — например, Адама Мюллера.

Валицкий вполне традиционно определяет основное время существования славянофильства 1840–1850-ми годами; привычен и круг тех интеллектуальных фигур, которых он считает ключевыми для славянофильства: это И. В. Киреевский, чьи воззрения трактуются в качестве наиболее отчетливого, последовательного выражения славянофильской философии, а также А. С. Хомяков и К. С. Аксаков (у последнего автор находит в части идей едва ли не анархистские мотивы). Последующая история, с 1860-х годов и далее — уже история разложения комплекса славянофильских идей в меняющейся ситуации пореформенной России: здесь в качестве знаковых выступают фигуры Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева.

Основное преимущество концепции, представленной Валицким [см. краткое ее изложение: Валицкий 2013: 106–129] состоит в единстве двух качеств: во-первых, традиционном, хорошо узнаваемом образе славянофильства, восходящем к ранней, до-революционной историографии славянофильства, и, во-вторых, в ясной и отчетливой концептуальной схеме. Собственно, следует напомнить, что сам Валицкий никоим образом не претендовал на введение нового исторического материала — поставленная им задача заключалась в анализе структуры русского славянофильства и вычленении основных линий генезиса и последующего распада славянофильства как единой доктрины. В этом плане работа Валицкого непосредственно связана с такими ключевыми для славянофильской историографии текстами, как публикация Вл. Соловьева 1880-х годов [Соловьев 1989б] и концепция «разложения» славянофильства, представленная П. Н. Милюковым в первой половине 1890-х годов [Милюков 2003].

Новизна подхода Валицкого заключалась — особенно на фоне упомянутых выше предшественников — в однозначной квалификации славянофильства как консервативной доктрины, формы консервативной критики становящегося буржуазного общества.

Если «разложение» славянофильства, при всем различии оптик Соловьева и Милюкова, было историей выделения собственно «консервативного» содержания из некоего гораздо более сложного целого, где переплетены либеральные и консервативные мотивы и сюжеты, то Валицкий утверждает, что структурно славянофильство изначально представляет собой именно вариант консервативной идеологии — либеральные элементы носят второстепенный характер, не затрагивая ядра доктрины.

В этом плане показателен и единственный существенный отход Валицкого от предшествующей традиции интерпретации славянофильства — его однозначная постановка в центр анализа воззрений И. В. Киреевского и оттеснение А. С. Хомякова на второй план. Хомяков осмысливается как автор, обращенный к богословским и историческим вопросам, фигура, имеющая ключевое значение с точки зрения славянофильства как круга единомышленников — но теоретические основоположения славянофильства, последовательно промысленные, Валицкий находит в первую очередь у Киреевского, воззрения других членов круга анализируются уже как дополнения, отклонения и т. п.

Представление Киреевского как своего рода «чистого» или «эталонного» славянофила имеет за собой длинную историю (как и сложную историю оспаривания этого статуса). Здесь достаточно упомянуть, например, работы М. О. Гершензона (2000) или, из числа современных авторов, К. М. Антонова (2006) — равно как из оппонентов, вовсе отказывающихся рассматривать мысль Киреевского в славянофильской рамке, следует назвать работу А. К. Судакова (2012). В качестве существенного аргумента «против» можно привести хотя бы самохарактеристику Киреевского, отказывающегося отождествить себя со славянофильским кругом — в письме к Хомякову от 2 мая 1844 года Киреевский, например, утверждал: «Этот славянофильский образ мыслей я разделяю только *отчасти*, а *другую часть* его считаю *дальше от себя, чем самые эксцентрические мнения* Грановского» [Киреевский 2018а: 272], — впрочем, как в глазах «западников», так и, что важнее, с точки зрения других славянофилов он, безусловно, был одним из основных представителей направления.

Гораздо важнее то, что тип аргументации Валицкого имеет «круговой» характер: сначала он выбирает в качестве «чистого» варианта славянофильства идеи наиболее консервативного представителя славянофильского круга, а затем все прочие идеи и суждения прочитывает как некие отклонения, связанные с обстоятельствами времени, политическим контекстом, личными увлечениями и проч. Отметим, что в принципе против такого

рода рассуждений возразить сложно — поскольку речь идет именно об осмыслении славянофильства в структурном плане и убедительность концепции подтверждается тем, что она позволяет увидеть в прошлом — это сознательное теоретизирование, интерес не к подробностям истории,⁴ а к тому, что лежит в основе этих подробностей, отделяя существенное от второстепенного, уступки и компромиссы, отклонения и влияния от ядра воззрений.

Однако дальнейший ход исторических разысканий нанес концепции Валицкого чувствительный удар — в 2002 году была опубликована, по хранящемуся в РГБ черновому автографу, «Записка об отношении русского народа к царской власти» И. В. Киреевского, написанная им в 1855 году [Киреевский 2002: 49-82; Киреевский 2018б: 57-81]. В ней, в частности, Киреевский высказывается за конституционное правление и, соответственно, за введение народного представительства — не как за близкую цель, но как за то, что никак не противоречит славянофильскому пониманию природы государства и царской власти [см. подробнее: Тесля 2019].

Разумеется, этого рода суждения — как и ряд других, которые можно найти в текстах Киреевского, — не делают его либералом (но при этом он утрачивает тот сугубо-консервативный облик, который сложился на основании его текстов, известных исследователям предшествующих периодов). Как не делают, например, либералом Ивана Аксакова его полемические утверждения первой половины 1880-х, когда он, полемизируя с либеральной журналистикой, отказывает ей в праве на «истинный либерализм», утверждая его за собой. Но существенным оказывается другой вопрос — почему «либеральная» составляющая оказывается неустранимой из славянофильских взглядов и почему «либеральная» интерпретация славянофильских взглядов имеет за собой историю, сопоставимую по длительности и обилию авторов с «консервативным» прочтением. Для ответа на этот вопрос нам представляется продуктивным дать краткое изложение истории славянофильства и его интеллектуального наследия.

«Славянофилы» и «западники»

П. В. Анненков, один из ключевых биографов эпохи, утверждал: «Первые проблески некоторого политического смысла

---

⁴ Показательно, что воззрения Хомякова или, например, Константина Аксакова анализируются во многом статично — Валицкого занимают не детали интеллектуальной биографии того или иного конкретного лица, напротив, он вычленил из многообразия некий инвариант.

зародились у нас только в разгаре великого спора между славянофилами и западниками, там они и окрепли» [Анненков 1983:174]. Существенное отличие «славянофильства» и «западничества» заключается в самой модели устройства этих объединений. «Славянофилы» представляют собой типичное, характерное для предшествующей эпохи объединение по принципу личных, семейных, родственных и соседских связей, над чем уже в качестве завершающего фактора выступает идейная близость⁵ [см. подробнее: Тесля 2012]. Участники славянофильского круга близки по происхождению, культурному опыту, имущественному положению — в одних случаях родственные связи предшествуют идейной близости,⁶ в других — возникают уже на основании интеллектуального сближения, благодаря последнему.⁷ Речь идет о московском нетитулованном дворянстве, в основном к его средним слоям, в целом достаточно обеспеченным, чтобы не быть вынужденными к государственной службе. Характерно, что один из видных исследователей славянофильства, Ю. З. Янковский, назвал свою итоговую книгу об их воззрениях «Патриархально-дворянская утопия» [Янковский 1981].

Этот характер устройства славянофильского круга обуславливает и ряд специфических исторических особенностей: с одной стороны, медленный ход расширения участников и ограниченность их числа, с другой — устойчивость, поскольку, в отличие от «западников», «славянофилы» оказываются связаны множеством нитей, помимо идейной близости. Если история «западничества» будет постоянной историей внутренних разрывов и переворотов, то, напротив, в случае со славянофилами возникает иллюзия некоего постоянства, поскольку здесь новации сглаживаются, новые темы и сюжеты обсуждаются совместно и зачастую не имеют однозначного авторства — тот, кто высказывает, формулирует их, отнюдь не обязательно является их автором, поскольку это обуславливается уже конкретикой публицистической активности, случайными поводами к печатным выступлениям и т. п.

⁵ Впервые эта сторона славянофильского круга была подробно проанализирована о. Павлом Флоренским [Флоренский 1916].

⁶ Так, например, тесное сближение поэта Н. М. Языкова со славянофилами во многом следует за браком А. С. Хомякова с его сестрой Екатериной.

⁷ Пример «славянофильства» семейства Тютчева — сложный и показательный, когда интерес Аксакова к сестрам Тютчевым обусловлен идейной перекличкой, а последовавший его брак с Анной Федоровной приводит к славянофильскому дрейфу воззрений Тютчева, где его предшествующий, в известной степени скептически-отстраненный взгляд сменяется гораздо большей симпатией славянофильскому направлению, что хорошо заметно по его переписке второй половины 1850-х — 1860-х годов.

Соответственно, если для «западников» ключевым становится издание журнала (достаточно указать на известное выражение В. Г. Белинского: «журнал стоит кафедры»), и сама история данного интеллектуального направления тесно связана с историей журнальных органов, то для «славянофилов» большую роль имеет салон, дружеский круг общения (напомним, что для решающих лет «западничества», 1842–1847, собственно о «дружеском круге» говорить приходится лишь применительно к Москве, тогда как интеллектуальную инициативу во многом берет Петербург, где издаются «Отечественные записки»).

Само определение позиций и образование кругов и происходит в ситуации конфронтации — как нередко бывает, каждая из сторон дает наименование противной, так и «славянофилы» получают свое имя от Белинского [см.: Цимбаев, 1986: 20 — 28]. Избранное для обозначения оппонента понятие изначально несло в себе сильный полемический запал, прежде всего отсылая к «славянофильству» Российской академии и «Беседе любителей русского слова» адмирала Шишкова, то есть сразу же указывая на архаичность воззрений противников, дискредитируя их одним актом номинации. Что было не менее важно — это обозначение позволяло Белинскому собрать воедино весьма разнородных оппонентов, именуя так разом и М. П. Погодина с С. П. Шевыревым, и М. А. Дмитриева (памятному по острому слову кн. П. А. Вяземского как «лже-Дмитриев», подразумевая его известного дядю, также поэта, И. И. Дмитриева), и тот круг, за которым в последующей истории закрепилось это имя. Подобный полемический прием позволял адресовать им всем скопом удары и обвинения — причастными к которым были одни и которые были радикально далеки от других — и выстраивать образ оппонента самостоятельно, не дифференцируя позиции в его рамках.⁸

Внешний характер спора определялся на первый взгляд по отношению к русскому прошлому — не случайно самым распространенным и устойчивым представлением о размежевании позиций стали «петровские реформы» (а славянофилы выступали как своеобразные «ненавистники Петра»). Несмотря на всю устойчивость этого представления, оно мало соответствует

---

⁸ Отметим, что для «славянофилов» это наименование оставалось чуждым вплоть до 1860-х годов — сами они предпочитали именовать себя «московской», «нашей партией», говорить о «русском направлении». И. С. Аксаков еще в 1860-е, уже принимая именование «славянофильства», обозначал его закавыченно, как чужое имя, и при этом дополнительно дистанцировался через указание — «т. н. «славянофилы»», а Д. А. Хомяков и в начале XX века решительно не соглашался принять это обозначение для направления своего отца и своего собственного.

действительности — поскольку с точки зрения как И. В. Киреевского, так и, к примеру, И. С. Аксакова, «петровские реформы» выступают одной из стадий русской истории, закономерно вытекающей из предшествующего развития (как стадия «самоотчуждения» «народного духа»). Предметом спора оказывалось отношение к настоящему — к «петровской», «петербургской России», как мыслить дальнейшее направление развития: по модели продолжения «петербургского» периода, в той же логике, или осмыслить этот этап как завершённый, предполагающий «возвращение к себе», в рамках логики самосознания — от стадии самоотчуждения к сознательному обретению «себя», своей национальной самости.

Здесь необходимо остановиться на сложности, с другой стороны, понятия «западничества» — поскольку оно выстраивается аналогично «славянофильству», в конфронтации. Прежде всего, приходится говорить об очень коротком историческом периоде — фактически с 1842 года до начала 1850-х, при этом с 1846 года относительное единство «западничества» оказывается уже зримо поставлено под вопрос (в силу размежевания «Отечественных записок» и некрасовского «Современника», где первый журнал, в лице В. Н. Майкова стремится радикализировать «западнические» сюжеты, тогда как В. Н. Белинский оказывается в ситуации 1846–1847 годов скорее обороняющимся, в том числе во многом идущим на признание относительной правоты ряда славянофильских сюжетов). Как справедливо отмечала советская историографическая традиция, в «западничестве» 1840-х годов мы находим пока еще слабо дифференцированное соединение либеральных и демократических направлений русской общественной мысли [см., напр.: Кулешов 1958]. Намного более существенным будет то обстоятельство, что для «западников» национальная проблематика, сюжеты нацистроительства в 1842–1846 годы не занимают существенного места — более того, именно как крайнее «западничество» предстанет публицистика В. Н. Майкова 1846–1847 годов, утверждающего всякое национальное своеобразие уклонением, недостатком от собственно человеческого [см., напр.: Майков 1985: 40–44, 127–128], равно как, напротив, в текстах Белинского мы можем найти вполне современную трактовку нации как политического сообщества [см.: Миллер 2016: 60–61].

Как пишет уже цитированный выше П. В. Анненков, характеризуя изменения в «западническом» круге в 1845 году — под воздействием в том числе и спора со славянофилами: «Это было первое крупное проявление мысли <...> о необходимости более

разумных отношений к простому народу, чем те, которые существовали в литературе и в некоторых слоях мыслящего класса людей. Литература и образованные умы наши давно уже расстались с представлением народа как личности, определенной существовать без всяких гражданских прав и служить только чужим интересам, но они не расстались с представлением народа как дикой массы, не имеющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя. Спор выразил собою переворот, совершившийся в понятиях одного отдела западников относительно способов судить и оценить домашнюю культуру и нравственную физиономию толпы» [Анненков 1983: 256].⁹

Для славянофилов определяющим будет выступать не только их консерватизм, оппозиционный существующей власти — как мечта о «патриархальной дворянской утопии», с восхищением, присущим, например, Хомякову английскими порядками — широте местного самоуправления, врученного шерифу из местных землевладельцев, мировыми судьями, церковными попечительствами и т. д. Другой важнейшей составляющей их воззрений, что, собственно, и будет порождать их интеллектуальную специфику — и противопоставлять широкому недифференцированному дворянскому консерватизму, побуждать оказываться в оппозиции к нему в 1850-е — 1860-е годы [Христофоров 2002; Котов, 2019: 175 и сл.], будет национализм. Из их видения русского национального проекта будет непосредственно вытекать и стремление к преодолению сословных перегородок, своеобразному «слиянию с народом», начиная с хрестоматийных бород и мурмолок — национализм будет определять понимание «народа» как политического субъекта. Это будет совершенно отчетливо считываться и существующей властью. Если Валицкий, например, говоря о подозрениях правительства в отношении славянофилов, пишет, что «несмотря на почитание православия и чисто народных начал, Николай не собирался менять свои методы правления в угоду религии и традиционным обычаям» [Валицкий 2013: 124], определяя природу противостояния как обусловленную консерватизмом, поскольку «Николай I <...> хотел быть европейским императором, а не древнерусским царем» [Там же], то обращение к источникам рисует нам совершенно иную природу опасений со стороны существующей власти. Так, например, Николай I, читая письменные показания, данные И. С. Аксаковым

⁹ Приведем помимо мемуарного текста свидетельство, синхронное описываемым событиям, — в 1849 году 14 мая В. П. Боткин писал П. В. Анненкову: «Славянофилы выговорили одно-единственное слово: народность, национальность. И в этом их великая заслуга» [цит. по: Дудзинская 1983: 37].

при аресте в 1849 году, находит патриотические чувства и обращение к старым нравам исключительно похвальными — тогда как его заботит возможность национальной (внешней) политики [см.: Тесля 2015: 56–60]. Равно как в известном сюжете с приказанием сбрить бороды повеление оказывается связано, во-первых, с восприятием бороды под влиянием Французской революции 1848 года как либерального знака [см.: Мильчина 2017], во-вторых, как устранением визуальной границы, отделяющей дворян, правящий слой, от «простого народа» [см., напр.: Кулешов 1976]. Логика национализма — образования единой нации, вне сословных границ — вызовет и решительное выступление славянофильского «Дня» после крестьянской реформы 1861 года с призывом к собственной «ночи чудес», отмене сословных прав и привилегий.¹⁰ Примечательно, что и два десятилетия спустя К. Н. Леонтьев, давая отрицательный цензурный отзыв на сборник статей И. С. Аксакова, возмущенно писал: «Самодержавный Царь и Земство — больше ничего, или почти ничего» [цит. по: Фетисенко 2012а: 178].

Кризис и сход «славянофильства» (в узком смысле слова) с исторической арены оказываются связаны с целым рядом обстоятельств. Так, отчасти он связан с охарактеризованным выше устройством славянофильского объединения. Принцип семейно-родственно-соседских связей, с одной стороны, придавал славянофильскому кругу высокую устойчивость по отношению к идейным разногласиям (ту самую «внутреннюю терпимость», которую отмечали современники), с другой — он же делал весьма затруднительным расширение круга вовне, потенциальный круг тех, из кого можно было рекрутировать «своих», был довольно

¹⁰ В докладной записке министра народного просвещения А. В. Головнина от начала 1864 года в числе благих результатов, достигнутых им в отношении печати, наряду с «совершенным прекращением» в журналах «статей, проповедующих материализм, безверие» и «статей, в которых колебалось бы монархическое начало и самодержавие», отдельно выделяется последним, пятым пунктом и прекращение статей, «в которых рассуждалось бы об утратившемся значении дворянства и об уничтожении сего сословия» [цит. по: Макашин 1984: 51].

Хотя собственная, личная вовлеченность в капиталистические отношения не является достаточным аргументом мировоззренческого плана, позволим также попутно напомнить о тесной вовлеченности славянофилов 1860-х и последующих годов в промышленные и банковские предприятия, их связи с московским купечеством, которое давало им несоразмерную с их числом влияние в делах московского городского управления [см.: Дудзинская 1994; Тесля 2015: 448–460]. Из числа славянофилов здесь наиболее показательна фигура Ф. В. Чижиова — железнодорожного магната, банкира, а также (в начале 1860-х) издателя «Вестника промышленности», он же выступил в 1866 году основной фигурой на переговорах И. С. Аксакова с московскими купцами об издании газеты «Москва», мыслившейся как орган московских промышленников [см.: Симонова 2002].

небольшим и сводился к среднему московскому дворянству. Тем самым история «славянофильства» оказывается в этом ракурсе буквально историей нескольких семей — и заканчивается со смертью представителей «второго поколения» «славянофильства».¹¹

Однако гораздо большую — и уже принципиальную — роль, связанную уже со «славянофильством» за пределами собственно славянофильского круга — имеет все возрастающая проблематичность православия как критерия национальной идентичности. Славянофильский национальный проект, предполагавший конвертацию религиозной идентичности в национальную («русский — значит, православный») с одновременной трансформацией религиозной идентичности из групповой (коллективной) в индивидуальную, был актуальным для ситуации 1830–1860-х годов. Здесь следует напомнить и то обстоятельство, что становление концепта «большой русской нации», приходящееся на 1830-е годы, не только хорошо укладывалось в эту логику, но и напрямую было с ним связано. Так, Н. Г. Устрялов, автор гимназического учебника по русской истории, основного для отечественных гимназий в 1840–60-х годы. [Устрялов 1839], выстраивая общую схему русской истории, приводил ее к кульминации — сначала объединению большей части русских земель под властью Российской империи, завершающейся с разделами Речи Посполитой, а затем — с воссоединением униатов в 1839 году [см.: Тесля 2015: 725 — 737]. То есть сначала произошло политическое воссоединение под властью русского царя, а за этим свершилось и духовное воссоединение в рамках православия.

---

¹¹ Поскольку речь о семейных историях, то у славянофильства за пределами основной истории окажется длинный эпизод в лице родственников, хранящих наследие, публикующих сочинения славянофилов и их переписку и т. д. Здесь можно вспомнить роль Д. А. Хомякова, старшего сына Алексея Степановича, который уже на рубеже веков будет выступать в роли «хранителя», защищающего от искажений учение своего отца и его друзей, публикуя, в частности, брошюры «Православие», «Самодержавие» и «Народность», в которых будет давать своеобразное истолкование уваровской триады. Большую роль будет играть семейство Самариных, в первую очередь младший брат Юрия Федоровича, Дмитрий, и его дети (в воспитании которых в свое время большое участие принимал Юрий Федорович): с конца 1870-х годов и вплоть до 1910-х годов они издадут одиннадцать томов сочинений Ю. Ф. Самарина (тт. I–X, XII), два тома избранных статей и выступлений Д. Ф. Самарина. Младшие славянофилы, условно говоря «третье поколение», в лице как упомянутых выше, так и А. А. Киреева, примкнувшего к славянофильству уже во второй половине 1870-х годов, сыграют большую роль в церковных вопросах, в частности, в обсуждении реформ Российской православной церкви, многие из их воззрений окажутся так или иначе востребованными в рамках Поместного собора 1917 — 1918 годов, а сам Д. А. Хомяков будет одним из кандидатов на патриарший престол [Хомяков, 2011; Киреев 2010].

Наиболее значимым фактором было то обстоятельство, что ключевым соперником в процессе нациестроительства большой русской нации выступает польский национальный проект — соответственно, фокус внимания обращен на Крессы (Западные губернии Российской империи), а ключевым критерием национальной идентичности выступает именно конфессиональный [см. подробнее, напр.: Долбилов 2010].

Однако с ходом событий славянофильский национальный проект все более утрачивает актуальность. Первым фактором, играющим на его ослабление, становятся процессы секуляризации — все более отделяющие национальную идентификацию от конфессиональной. Но этому фактору само по себе решающее значение не принадлежит — для славянофильства как целостного проекта критическим оказывается появление и рост других национальных движений, вклинивающихся в бинарное противостояние русского и польского национальных проектов.

Примечательным здесь является кейс украинофильства. Первоначальное отношение славянофилов обнаруживает примечательное различие с реакцией Белинского. Если тот в известном письме к П. В. Анненкову возмущается: «Ох уж мне эти хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! <...> А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедывать отторжение от него области?» [Белинский 1982: 690, письмо от 1–10.XII.1847], то Хомяков 30 мая 1847 года писал Ю. Ф. Самарину: «Малороссию по-видимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость. Когда общественный вопрос только поднят и не только не разрешен, но даже и не близок к разрешению, люди, по-видимому умные, хватаются за политику! Это похоже на Одоевского с его приютами. <...> Время политики миновало» [Хомяков 1904: 258]. Показательно, что для Хомякова речь идет именно о несвоевременности политического действия, а отнюдь не о принципиальном осуждении. Показательно, что Хомяков знакомится и сближается с П. А. Кулишом во время ссылки последнего в Тулу, а несколько позднее Кулиш не только сходится с Аксаковским семейством, но и публикует ряд своих произведений в славянофильской «Русской беседе», оказываясь одним из ключевых авторов.¹²

Разрыв с украинофильством произойдет только в начале 1860-х годов, когда обозначится, что речь идет о конкурирующем национальном проекте. К середине 1870-х украинское

¹² См. подробнее: [Тесля 2016] и там же основную библиографию по теме.

национальное движение выйдет из границ украинофильства (Миллер 2013) — которое в это время будет уже обозначать преимущественно «культурничество», отказ от политических притязаний, активный поиск компромисса с Петербургом — и при этом все более будет выстраивать воображаемую «украинскую нацию» поверх конфессиональных границ, мысля ее одновременно и как включающую и униатов, и православных.

Другим, не менее показательным примером могут служить споры вокруг «еврейского вопроса», когда к началу 1880-х со стороны славянофилов — во многом под влиянием немецких дебатов конца 1870-х, связанных прежде всего с именем Трейчке (о русском контексте см.: Барталь 2007: 207–237), — происходит отчетливое осознание, что смена конфессии не приводит автоматически к смене национальной идентичности [Тесля 2020].

В 1883 году Иван Аксаков мимоходом признает, что «русским» можно быть, не будучи «православным» [см. подробнее: Тесля 2015: гл. 7]. Показательно, что это признание так и окажется «проходным» — последний представитель собственно славянофильства в узком смысле слова к нему не вернется, потому что развертывание этого тезиса означало бы признание несостоятельности славянофильского проекта нацистроительства и потребность радикального пересмотра доктрины.

Западники/славянофилы вне времени

Ранее сказанное не снимает другого вопроса — почему в таком случае «славянофильство» столь устойчиво характеризуется собственно как консервативное направление, когда либеральные элементы отбрасываются или воспринимаются как случайные. Ответ на этот вопрос предполагает две части — прежде всего общую эволюцию националистической проблематики и, во-вторых, ту публицистическую интерпретацию, которую приобрело понятие «славянофильства» в России в конце XIX века.

Либеральная составляющая доктрины оказывается проблематизированной в 1860–1880-е годы — поскольку после 1848 года ослабляется, а затем и разрывается ранее практически неизбежная связь между национализмом и либерализмом.¹⁵ Консервативный перехват национальной политики, продемонстрированный

---

¹⁵ В трактовке связи либерализма первой половины XIX века и национализма (построенной на принципе национального сообщества, состоящего из граждан) мы опираемся на традицию трактовки национализма как современного феномена, в первую очередь восходящую к О. Бауэру (Бауэр 1909 [1907]; концептуальный и исторический анализ этой связи представлен, в частности, в работах: Hobsbawm

сначала Луи Наполеоном (Наполеоном III) во Франции, а затем с огромным успехом осуществленный Бисмарком в Германии, сделал либеральную составляющую опциональной, открыв путь для массы вариантов правого национализма [см., в частности: Данн 2003]. Тем самым и для множества публицистов, так или иначе воспринимающих и претворяющих славянофильские понятия и образы в 1870–1890-е годы, оказывается уже не неизбежным структурное напряжение консерватизма и либерализма в исходной доктрине — дрейф «вправо» не вызывает автоматического интеллектуального диссонанса, что облегчается еще и тем обстоятельством, что для славянофильства характерен выработанный в ситуации 1848–1855 годов деполитизированный язык, представляющий все ключевые темы и сюжеты как не имеющие отношения к «власти» (что осуществляется через радикальное сужение понимания государства и политики — так, вопросы земства, церковного устройства, свобода слова и свобода вероисповеданий и т. д. объявляются «не-политическими», «не-политическим» предстает в славянофильстве и сам Земский собор, как не посягающий на власть государя, а лишь выражающий мнение «Земли», свобода которого является неотъемлемым правом). Этот специфический язык позволяет легко осуществить уже непротиворечивое консервативное переосмысление — например, делая акцент на том, что «народ», «Земля» не имеют отношения к «политическому», но последнее истолковывая уже в обыденном, а не специфически-славянофильском смысле.¹⁴

Но эта часть ответа еще не дает понимания, каким образом оказалось возможным столь значимое историческое переосмысление «славянофильства», поскольку и в начале XX века было заметное число интеллектуалов и общественных деятелей, претендующих на наследие именно либеральной составляющей славянофильства¹⁵ (в числе их можно напомнить и о Д. Н. Шипове, одном из наиболее влиятельных деятелей русского земства, и, 1962; 1975; 1991; Валлерстайн 2016 [2011]: гл. 1–3; Hroch 2015; см. также: Капустин 2010: в особенности 202–204).

Разумеется, у консервативного «перехвата» националистической повестки есть собственная предыстория, связанная во многом с немецкими романтиками 1810–1820-х годов прежде всего венским кругом Фр. Шлегеля, к которому был близок в бытность в Вене и С. С. Уваров (см. обсуждение этих сюжетов в: Whittaker 1984 [рус. перев.: 1999]; Зорин 2001; о политической теории этого круга см., в частности, классическую работу: Шмитт 2015).

¹⁴ Ср. с аналогичным движением украинофильской мысли второй половины 1850-х годов (Тесля 2016).

¹⁵ Другие значимые сюжеты, которые необходимо здесь обозначить, но которые выходят за пределы нашего рассмотрения, — это вопросы, связанные с осмыслением славянофилами колониального опыта (см.: Gerasimov, Glebov,

говоря о периоде после 1905 года — о П. Б. Струве, кн. Е. Н. Трубецком, Н. А. Бердяеве и др. [см., в частности: Пайпс 2001; Соловьев 2009; Колеров 2020]).

Ключевым в интересующем нас отношении оказывается период 1880-х — первой половины 1890-х годов. В 1883 году начинается полемика Вл. Соловьева со славянофилами и их наследниками, которая приобретает наибольший накал в последние годы 1880-х, ее памятником окажутся два выпуска «Национального вопроса в России», которые в свою очередь создадут общественную репутацию Соловьева и его признание среди либеральной общности (последние статьи, вошедшие в сборник, будут публиковаться на страницах «Вестника Европы», и Соловьев с этого времени и вплоть до конца жизни делается постоянным автором этого наиболее авторитетного органа русского либерализма).

В оптике Соловьева тех лет славянофильство, совершенно справедливо, выступает внутренне противоречивым явлением, конкретно-историческим соединением универсалистских и националистических/партикуляристских мотивов.¹⁶ Следует отметить, что для самих славянофилов — по крайней мере, 1840–1850-х годах — данного рода затруднения не существует, универсальное и локальное соединяются в непротиворечивое целое за счет романтического хода:

— Россия призвана (подчеркнем попутно, что речь идет именно о «призвании», которое может быть конкретно-исторически оправдано или нет, соответствуя своему «призванию», то есть становлению «собой» — здесь же логика самосознания — или измене¹⁷) внести свое слово в мировую историю, внести новую идею;

Mogilner 2013: 97–101), и влиянием и влияние славянофильской проблематики на народничество (в первую очередь через посредство Герцена) и, в продолжение «постимперских»/«постколониальных» сюжетов, на областничество, прежде всего — сибирское [см., в частности: Потанин 1983]

¹⁶ Показательно, что в этом аспекте Вл. Соловьева высоко ценит К. Н. Леонтьев, трактуя славянофилов как носителей национального — и, следовательно, либерального — начала (см.: Леонтьев 1996; Фетисенко 2012б — по указателю; Фетисенко 2012а — по указателю).

¹⁷ Сам Соловьев разовьет аналогичное рассуждение в «Русской идее» (1888), одним из наиболее известных своих текстов, где будет утверждать всемирно-историческое призвание России в универсальности — ход мыслей, близкий к Чаадаеву, превращавшему негативную характеристику («чистый лист») в уникальную (поскольку всякий другой народ обладает своей, специфической внешностью, и только русскому присуща подобная безликость и переимчивость, что и превращает ее в специфическую характеристику), которой должно соответствовать некое предназначение — по мысли Чаадаева, заключающаяся во вселенском имперском призвании [см.: Валицкий 2012: 290 и сл.; Тесля, 2018: 131 — 132].

— идеей этой является собственно полнота христианской истины и ее воплощения — что связывается с особенными качествами русского народа, а именно с тем, что он по своей природе ближе всего к христианскому идеалу — с чем связывается и своеобразный характер крещения Руси, быстрота и глубина христианизации России, поскольку в христианстве русский народ находит то, чего ждал (не ведая об этом), встреча с предчувствуемым, но до этого момента смутным идеалом;

— тем самым, быть «вполне русским» означает в то же время быть «вполне христианином» и, следовательно, здесь снимается конфликт между национальным и универсальным. И. В. Киреевский пишет: «Особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, — во всем объеме ее общественного и частного быта» [Киреевский 2018б: 48]. В этом смысле между вселенским значением христианства и русским национальным призванием не только нет никакого противоречия, но, напротив — стремиться быть вполне русским, развить русские национальные начала, двигаться по пути самосознания и осуществлять аналогичное действие как христианин, стремиться к христианскому совершенству — тождественные задачи, выраженные в двух планах. Проблема же возникает лишь когда русское начинает толковаться вне, отдельно от христианства, к чему и относятся известные слова А. И. Кошелева: «Без православия наша народность — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» [цит. по: Бердяев 2007: 247]).

Характерным остатком — своеобразным компромиссом — этого взгляда оказывается «Россия и Европа» Данилевского (1869), где непоследовательность автора оказывается особенно видна (в том числе поэтому текст ставится в центр критики Соловьева, для которого выигрышной позицией оказывается истолковать Данилевского как проявление, проговаривание собственно славянофильских мотивов). Напомним, что Данилевский выделяет в истории множество культурно-исторических типов, в числе таковых помещая и славянский — чтобы в заключении определить его, в отличие от всех остальных, как четырехсоставной, призванный решить вселенские проблемы, являющий собой идеал — тем самым вступая в очевидное противоречие с логикой основного рассуждения. Вселенское и национальное примиряются у Данилевского уже не в рамках связного рассуждения, а сугубо внешним образом.

Однако для Соловьева после увлечений конца 1870-х — начала 1880-х годов речь начинает идти о том, что никакой частный,

национальный идеал не может быть универсальным — «национализм» оказывается для него исключительно негативным понятием, поскольку означает отсоединение, отход от всеобщего, имперского, противодействие тому, в чем Соловьев видит смысл истории, — осуществление Христианского Царства как мировой империи (где императором является русский император, первосвященником — римский Папа, а о том, кому отведена роль пророка, Соловьев скромно умалчивает). В этом смысле борьба с наследием славянофильства — это одновременно и борьба с собственными былыми увлечениями, и борьба за то всемирно-историческое, христианское наследие, которое, на взгляд Соловьева, содержится в славянофильстве. В известной статье «Об упадке средневекового миросозерцания», впервые прочитанной в Московском психологическом обществе в октябре 1891 года, Соловьев говорит о «неверующих двигателях новейшего прогресса», «действующих в пользу истинного христианства»: «западники», в том числе и радикальные, объявляются трудящимися во благо истины, тогда как еще в 1889 году Соловьев прочерчивает генеалогию, идущую от «славянофилов» и доходящую до прямо анти-христианского «обожествления народа и государства, как фактической силы» [Соловьев 1989: 469].

Схема Соловьева, лишенная своих философских оснований и превратившись, по его собственным словам, в «позитивно-историческую» [Соловьев 1989б: 495], ляжет в основание лекции П. Н. Милюкова «Разложение славянофильства», опубликованной в 1893 г. [Милюков 2003: 413 — 414], а затем найдет отражение в «Очерках по истории русской культуры», где Милюков будет говорить о «западниках» и «славянофилах» применительно ко временам Ивана Грозного и Михаила Федоровича, с тем большей легкостью применяя эту дихотомию к XVIII столетию [Милюков 1903], а совсем молодой П. Б. Струве в 1894 году ворвется в русскую мысль с «Критическими заметками по вопросу об экономическом развитии России», где в первой главе, размежевываясь с народничеством, представит понимание «западничества» и «славянофильства» как бинарной классификации, применимой к любому направлению отечественной общественной мысли [Струве 1894: 3 — 5]. Вот эта внеисторическая схема, связанная прежде всего с Милюковым и Струве, оказывается во многом близкой к дихотомии «прогресс»/«реакция», «левые»/«правые» (тем более, что модернизационное усилие преимущественно отождествляется с «западнической» ориентацией) и тем самым уже однозначно отбрасывает «славянофильство» в консервативный спектр, действительно позволяя

толковать «либеральные» тезисы и симпатии как ситуативное, не определяющее существа мысли. Тем самым у Валицкого, который осуществляет уже возвратное движение, реконструируя в 1960-е ядро славянофильской доктрины, определяющей оказывается внеисторическая рамка — позволяя ему отделять в учении существенное от второстепенного и наносного.

Последний вопрос, который здесь остается, это почему схема, предложенная Вл. Соловьевым, оказалась столь быстро и широко воспринятой. Понятно, что ни для редакции «Вестника Европы», ни для Милюкова или Струве речь не шла о принятии теократической универсальной утопии, которая обосновывала в случае Соловьева и его конкретное суждение о национализме, и данную им интерпретацию славянофильства, — напротив, сочувствие и принятие вызывали конкретные оценки, им даваемые, а не их обоснование в философской системе Соловьева.

Здесь вновь следует обратиться к историческому контексту: в 1880–1890-е национальная проблематика оказывается целиком перехвачена правительством и при этом сдана русским либерализмом практически без попыток сопротивления. Это тем более примечательно, что в 1870-е годы русский национал-либерализм представлен достаточно широко, и, например, такой выдающийся представитель русского либерализма, как А. Д. Градовский, в 1873 году выпускает сборник «Национальный вопрос в истории и литературе», где вслед за общим освещением вопроса переходит к детальному изложению «Речей...» Фихте, а замыкающей сборник работой являются лекции, посвященные первым славянофилам [Градовский 1873].

Уже ближайшие годы продемонстрируют, что для русского либерального движения нет возможности в актуальной перспективе успешно апеллировать к массам, находить в них широкую поддержку — оно оказывается замкнутым между, с одной стороны, правительством, проводящим политику имперской национализации,¹⁸ с другой — поднимающимся социалистическим движением. В ситуации между консерватизмом и социализмом русский либерализм 1880–1890-х годов оценивает национализм как ресурс, целиком принадлежащий политическому противнику (в этой ситуации ресурсом для либерализма как раз оказывается поддержка тех групп и движений, которые оказываются недовольны правительственной русификацией): тем самым исключительно негативное определение «национализма», даваемое

¹⁸ См.: Миллер 2010; Уортман 2004: ч. 2; об общей логике «национализирующих империй»: Osterhammel 2014.

Соловьевым, не встречает возражений, как несущее угрозу только для политического оппонента, равно как не встречает существенного противодействия негативная трактовка «славянофильства» и его использование как внеисторического понятия.

Показательно, что уже на рубеже веков ситуация начнет меняться, и П. Б. Струве, один из авторов внеисторической дихотомии «славянофильства» и «западничества», предпримет попытку реабилитации одновременно и «славянофильства», и «национализма», истолковывая первое в либеральном плане (понимая, например, «не-политические права» как аналог «естественных», неотчуждаемых прав европейской традиции XVII — XVIII) [Струве 1902: 201 — 205, ср.: Струве 1900: X]. В логике Струве речь будет идти о становлении в России независимой крупной буржуазии, способной к самостоятельному политическому действию и имеющей собственный политический запрос — о политическом запросе на национал-либерализм [см.: Пайпс 2001].¹⁹ Но это движение так и останется лишь начавшимся — не успев переопределить сложившиеся, сделавшиеся привычными понятия политического языка, в том числе «славянофильство» — и они окажутся во многом стабилизировавшимися в своих значениях вплоть до наших дней.

***

Подведем общие выводы нашего очерка:

1. «Классическое» славянофильство 1840–1860-х годов является разновидностью либерального консерватизма.²⁰

2. Либеральная составляющая в славянофильских воззрениях обуславливается национализмом — и, следовательно, имеет характер структурной особенности.

---

¹⁹ Здесь происходило возвращение к предшествующим трактовкам, в частности, к интерпретации славянофильства Н. К. Михайловским, в 1878 году писавшим, рассматривая его как завершившееся явление: «Быть может, в самом недалеком будущем поперек вашей дороги ляжет бревно, которое будет очень похоже на славянофильство, хотя утратит многие существенные его признаки и даже называться будет не славянофильством, а как-нибудь вроде национал-либерализма» [Михайловский 1897: 433].

²⁰ Под «либеральным консерватизмом» нами понимаются идеологические направления, имеющие в основе консервативный «стиль мышления», в понимании, восходящем к Манхейму, целостное мировоззрение [Манхейм 1994а], однако включающие не в качестве какого-либо «дополнительного», а относящегося именно к мировоззренческому ядру, те или иные существенные положения, связанные с идеологией либерализма [Lacoff 1998, см. также: Федорова 1994; 2005]. В случае славянофилов это представления о современной нации, гражданском равенстве и т. п., которые будут вызывать, с одной стороны, напряжение — а с другой, за счет этого напряжения, обеспечивать движение славянофильской мысли и разнородное ее влияние.

3. В последней трети XIX века связь либерализма и национализма оказывается разорванной, в связи с чем возникает возможность переинтерпретации славянофильства в последовательно консервативном ключе.

4. Сугубо консервативное понимание славянофильства оказывается преобладающим в истории общественной мысли с одной стороны, в силу пренебрежения их националистической (политической) составляющей, с другой — в силу неактуальности национал-либеральной политической повестки в 1880–1890-е.

5. Попытки утвердить национал-либеральную трактовку славянофильства, предпринимаемые с 1900-х годов, в первую очередь П. Б. Струве, оказались неспособны переломить сложившуюся традицию.

Библиография

- Анненков, Павел (1983). *Литературные воспоминания*. М.: Художественная литература.
- Антонов, Константин (2006). *Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект*. М.: ПСТГУ.
- Барта, Израэль (2007). *От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг.* Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры.
- Бауэр, Отто (1909). *Национальный вопрос и социал-демократия*. СПб.: Сербь.
- Белинский, Виссарион (1982). *Собрание сочинений*, т. 9. М.: Художественная литература.
- Бердяев, Николай (2007). *Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков*. М.: АСТ; Хранитель.
- Валицкий, Анджей (2012). *Россия, католичество и польский вопрос*. М.: Издательство Московского университета.
- Валицкий, Анджей (2013). *История русской мысли от просвещения до марксизма*. М.: Канон-плюс; РООИ «Реабилитация».
- Валицкий, Анджей (2019). *В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства*. М.: Новое литературное обозрение.
- Валлерстайн, Иммануил (2016). *Мир-система модерна*, т. 4. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Виттекер, Цинтия (1999). *Граф Сергей Семенович Уваров и его время*. СПб.: Академический проект.
- Гершензон, Михаил (2000). *Исторические записки* в Гершензон, Михаил, Избранное, т. 3. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim.
- Градовский, Александр (1873). *Национальный вопрос в истории и в литературе*. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова.
- Данн, Отто (2003). *Нации и национализм в Германии 1770–1990*. СПб.: Наука.
- Долбилов, Михаил (2010). *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение.
- Дудзинская, Евгения (1983). *Славянофилы в общественной борьбе*. М.: Мысль.
- Дудзинская, Евгения (1994). *Славянофилы в пореформенной России*. М.: Институт российской истории РАН.
- Зорин, Андрей (2001). *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века*. М.: Новое литературное обозрение.

- Капустин, Борис (2010). «Законодательство истины, или Заметки о характерных чертах отечественного дискурса о нации и национализме». В кн.: Капустин, Борис, *Критика политической философии. Избранные эссе*. М.: Территория будущего.
- Киреев, Александр (2010). *Дневник. 1905–1910*. М.: РОССПЭН.
- Киреевский, Иван (2002). *Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преп. Макарием (Ивановым), старцем Оптиной Пустыни. Дневник*. М.: Правило веры.
- Киреевский, Иван (2018а). *Полное собрание сочинений*, т. 2. СПб.: Росток.
- Киреевский, Иван (2018б). *Полное собрание сочинений*, т. 3. СПб.: Росток.
- Колеров, Модест (2020). *Петр Струве: революционер без масс, 1870–1918*. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский».
- Котов, Александр (2019). *Русский политический предмодерн: Забытые «консерваторы» второй половины XIX века*. СПб.: Владимир Даль.
- Кулешов, Василий (1958). *Отечественные записки и литература 40-х годов XIX века*. М.: Издательство Московского университета.
- Кулешов, Василий (1976). *Славянофилы и русская литература*. М.: Художественная литература.
- Леонтьев, Константин (1996). «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к О. И. Фуделю». В кн.: Леонтьев, Константин, *Восток, Россия и славянство*. М.: Республика.
- Майков, Валериан (1985). *Литературная критика*. Л.: Художественная литература.
- Макашин, Сергей (1984). *Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография*. М.: Художественная литература.
- Манхейм, Карл (1994а). «Консервативная мысль». В кн.: Манхейм, Карл, *Избранное. Диагноз нашего времени*. М.: Юристъ.
- Манхейм, Карл (1994б). «Идеология и утопия». В кн.: Манхейм, Карл, *Избранное. Диагноз нашего времени*. М.: Юристъ.
- Миллер, Алексей (2010). *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. М.: Новое литературное обозрение.
- Миллер, Алексей (2013). *Украинский вопрос в Российской империи*. К.: Laurus.
- Миллер, Алексей (2016). *Нация, или Могущество мифа*. СПб.: ЕУСПб.
- Мильчина, Вера (2017). «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение.
- Милюков, Павел (1903). *Очерки по истории русской культуры*, ч. 3. СПб.: Издание редакции журнала «Мир Божий».
- Милюков, Павел (2003). *Очерки истории исторической науки*. М.: Наука.
- Михайловский, Николай (1897). *Сочинения*, т. 4. СПб.: Издание редакции журнала «Русское Богатство».
- Мостовская, Наталия (1983). *И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века*. Л.: Наука.
- Пайпс, Ричард (2001). *Струве. Биография*, т. 2. М.: Московская школа политических исследований.
- Потанин, Григорий (1983). «Воспоминания». В кн.: *Литературное наследство Сибири*, т. 6. Под ред. Николая Яновского. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство.
- Симонова, Инна (2002). *Федор Чижов*. М.: Молодая гвардия.
- Соловьев, Владимир (1989а). *Сочинения*, т. 1. М.: Правда.
- Соловьев, Владимир (1989б). *Сочинения*, т. 2. М.: Правда.
- Соловьев, Кирилл (2009). *Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899–1905*. М.: РОССПЭН.
- Струве, Петр (1894). *Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России*. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.

- Струве, Петр (1900). «Предисловие к русскому переводу». В кн.: Шульце-Геве-
ниц, Герхарт фон, *Очерки общественного хозяйства и экономической политики
России*. СПб.; М.: Издание магазина «Книжное дело»; Отдел Н. М. Глаголева.
- Струве, Петр (1902). *На разные темы. (1893–1901 гг.)*. Сборник статей. СПб.:
Типография А. Е. Колпинского.
- Судаков, Андрей (2012). *Философия цельной жизни. Мирозерцание И. В. Киреев-
ского*. М.: Канон-плюс; РООИ «Реабилитация».
- Тесля, Андрей (2012). «Славянофильство сквозь призму неформальных отноше-
ний». В кн.: *Христианство и русская литература*, вып. 7. Под ред. Владимира
Котельникова, Ольги Фетисенко. СПб.: Наука, 2012.
- Тесля, Андрей (2015). *Последний из «отцов»*. Биография Ивана Аксакова. СПб.:
Владимир Даль.
- Тесля, Андрей (2016). «Деполитизация как политическое действие (к истории
эволюции политических взглядов П. А. Кулиша 1840–1850-х годов)». *Обще-
ственные науки и современность*, № 4: 120–133.
- Тесля, Андрей (2018). «Понятие “национализма” в теоретических воззрениях
Вл.С. Соловьева». В кн.: Тесля, Андрей, *Русские беседы: уходящая натура*. М.:
РИПОЛ-классик.
- Тесля, Андрей (2019). «К характеристике политической теории славянофилов: о
воззрениях И. В. Киреевского». *Вестник Свято-Филаретовского института*,
№ 31: 189–203.
- Тесля, Андрей (2020). «Поляки, иезуиты, евреи и “миф о заговоре”: эволюция
«опасного другого» в славянофильстве». *Новое литературное обозрение*, № 2:
187–206.
- Уортман, Ричард (2004). *Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии*,
т. 2. М.: ОГИ.
- Устрялов, Николай (1839). *Начертание русской истории, для средних учебных за-
ведений*. СПб.: Типография Российской академии.
- Федорова, Мария (1994). «Либеральный консерватизм и консервативный либера-
лизм». В кн.: *От абсолюта свободы к романтике равенства: (из истории поли-
тической философии)*. Под ред. Марии Федоровой, Марии Хевеши. М.: ИФ РАН.
- Федорова, Мария (2005). *Метаморфозы принципов Просвещения в политической
философии Франции эпохи буржуазных революций*. М.: ИФ РАН.
- Фетисенко, Ольга (2012а). «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собесед-
ники и ученики. (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных
и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX
века). СПб.: Пушкинский дом.
- Фетисенко, Ольга, сост. (2012б). *Пророки Византизма: переписка К. Н. Леонтьева
и Т. И. Филиппова (1875–1891)*. СПб.: Пушкинский дом.
- Флоренский, Павел (1916). *Около Хомякова. (Критические заметки)*. Сергиев По-
сад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры.
- Хомяков, Алексей (1904). *Полное собрание сочинений, т. 8*. М.: Типо-литография
товарищества И. Н. Кушнерев и Ко.
- Хомяков, Дмитрий (2011). *Православие. Самодержавие. Народность*. М.: Институт
русской цивилизации.
- Христофоров, Игорь (2002). «Аристократическая» оппозиция Великим реформам
(конец 1850 — середина 1870-х гг.). М.: Русское слово.
- Цимбаев, Николай (1986). *Славянофильство. Из истории русской общественно-по-
литической мысли XIX века*. М.: Издательство Московского университета.
- Шацкий, Ежи (2018). *История социологической мысли, т. 1*. М.: Новое литера-
турное обозрение.
- Шмитт, Карл (2015). *Политический романтизм*. М.: Праксис.
- Янковский, Юрий (1981). *Патриархально-дворянская утопия. Страница русской
общественно-литературной жизни 1840–1850-х годов*. М.: Художественная

Современность консерватизма и консерватизм современности

- литература.
- Hobsbawm, Eric (1962). *The Age of Revolution: 1789–1848*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric (1975). *The Age of Capital: 1848–1875*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric (1991). *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hroch, Miroslav (2015). *European Nations: Explaining Their Formation*. London: Verso.
- Gerasimov, Ilya, Glebov Sergey, Mogilner Marina (2013). "The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment." *Ab Imperio*, № 2 (2013): 97–135.
- Lakoff, Sanford (1998). "Tocqueville, Burke, and the Origins of Liberal Conservatism." *The Review of Politics* 60, № 3 (1998): 435–464.
- Osterhammel, Jürgen (2014). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Pipes, Richard (2005). *Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture*. New Haven & London: Yale University Press.
- Whittaker, Cynthia (1984). *The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Andrey Teslya

*Academic Director, Center for Study of Russian Thought
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Chernyshevskogo st., 56a, Kaliningrad
e-mail: mestr81@gmail.com*

The Place of Slavophilism in the Typology of Conservatism

Abstract

In the history of political thought, Russian Slavophilism of the period from 1840s till 1880s has two established traditions of interpretation: as a variant of conservative ideology and as one form of Russian liberalism of the 1840s, along with Westernism (in this case, the later history of Slavophilism, i.e. the period between 1860s and 1880s, is viewed as a departure from initially liberal stances. Beginning with the framework of Andrzej Walicki, the article attempts to demonstrate the underpinnings of this peculiar duality of evaluations. Slavophilism is understood as liberal conservatism; the article also uncovers the structural conditions, on which the liberal component of Slavophile views are based. Special attention is given to the analysis of processes, which led to the dominance of the interpretation, according to which Russian Slavophilism is a conservative ideology, where the liberal component is defined as situational. The reason for such a reading are rooted in the peculiar position of Russian liberalism in the late XIX century, when the nationalism agenda was interpreted as entirely pertaining to the conservative side of the political spectrum.

Keywords:

Westernism, liberal conservatism, national-liberalism,
liberal conservatism, national-liberalism, Russian liberalism,
Slavophilism

References

- Annenkov, Pavel. (1968) *The Extraordinary Decade: Literary Memoirs*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Antonov, Konstantin (2006). *Filosofiya I.V. Kireyevskogo: antropologicheskiy aspekt* [The Philosophy of I. V. Kireyevskiy: The Anthropological Aspect]. Moscow: Izd-vo PSTGU.
- Bartal, Israel (2002). *From Corporation to Nation: The Jews of Eastern Europe, 1772-1881*. Tel Aviv: Misrad ha-Bitahon Publishing House.

- Bauer, Otto (2000). *The Question of Nationalities and Social Democracy*. Minneapolis: Minnesota University Press.
- Belinskiy, Vissarion (1982). *Sobraniye sochineniy. T. 9: Pisma 1829-1848 godov*. [Collected Works, vol. 9: Letters 1829-1848]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
- Berdyayev, Nicolas (2017). *Aleksei Stepanovich Khomyakov*. Mohrsville: Frsj Press.
- Hobsbawm, Eric (1991). *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Hobsbawm, Eric (1975). *The Age of Capital: 1848-1875*. – L., Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric (1962). *The Age of Revolution: Europe 1789-1848*. L., Weidenfeld & Nicolson.
- Hroch, Miroslav (2015). *European Nations: Explaining Their Formation*. L., Verso.
- Gerasimov, Ilya, Sergei Glebov, Marina Mogilner (2013). The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment. *Ab Imperio*. 2: 97 – 135.
- Gershenson, Mikhail (2000). “Istoricheskiye zapiski” [Historical Notes]. In *Izbrannoye. T. 3: Obrazy proshlogo* [Selected Writings vol. 3: Images of the Past]. Moscow, Jerusalem: Gesharim, Universitetskaya kniga.
- Gradovskiy, Alexandr (1873). *Natsionalniy vopros v istorii i v literature*. [The National Question in History and Literature]. Saint Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova.
- Dann, Otto (1992). *Nation Und Nationalismus in Deutschland 1770-1990*. München: C.H.Beck.
- Dolbilov, Mikhail (2010). *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessionalnaya politika imperii v Litve i Belorussii pri Alexandre II*. [RussianLand, Alien Faith: The Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Dudzinskaya, Evgeniya (1983). *Slavyanofily v obshchestvennoy borbe* [Slavophiles in the Social Struggle]. Moscow: Mysl.
- Dudzinskaya, Evgeniya (1994) *Slavyanofily v poreformennoy Rossii* [Slavophiles in Post-reform Russia]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN.
- Fetisenko, Olga (2012). “Geptastilysty”: Konstantin Leontiev, ego soesedniki i ucheniki: (idei russkogo koservatizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX veka). [“Heptastylists”: Konstantin Leontiev, his Interlocutors and Students: (Ideas of Russian Conservatism in Literary, Artistic and Publicist Practices from the Second Half of the XIX century until the First Quarter of the XX Century)]. Saint Petersburg: “Pushkinskiy Dom”.
- Fyodorova, Mariya (1994). “Liberalniy konservatizm i konservativniy liberalizm” [Liberal Conservatism and Conservative Liberalism]. In *Ot absoluta svobody k romantike ravenstva: (iz istorii politicheskoy filosofii* [From the Absolute of Freedom to the Romanticism of Equality: (From the History of Political Philosophy)]. Moscow: IF RAN.
- Fyodorova, Mariya (2005). *Metamorfozy printsipov Prosveshcheniya v politicheskoy filosofii Frantsiyi epokhi burzhuanzykh revolutsiy* [The Metamorphoses of Enlightenment Principles in the French Political Philosophy During the Time of Bourgeois Revolutions]. Moscow: IF RAN.
- Florenskiy, Pavel (1916). *Okolo Khomyakova: (Kriticheskiye zametki)* [Around Khomyakov: Critical Notes]. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Troits. Sergievoy lavry.
- Kapustin, Boris (2010). *Zakonodatelstvo istiny, ili zametki o kharakternykh chertakh otechestvennogo diskursa o natsii i natsionalizme*. [The Legislation of Truth, or Notes on the Characteristics of Russian Discourse on Nation and Nationalism]. In *Kritika politicheskoy filosofii. Izbranniye esse* [A Critique of Political Philosophy. Selected Essays]. Moscow: Izdatelskiy dom “Territoriya budushchego”.
- Kireyev, Alexei (2010). *Dnevnik. 1905-1910* [Diaries. 1905-1910]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

- Kireyevskiy, Ivan. (2018). *Polnoye sobraniye sochineniy v 3-kh tomakh. T. 3: 1850 – 1856*. [Complete Works in 3 volumes. Vol. 3: 1850 – 1856]. Saint Petersburg: Rostok.
- Kireyevskiy, Ivan. (2018a). *Polnoye sobraniye sochineniy v 3-kh tomakh. T. 2: 1840 – 1849*. [Complete Works in 3 volumes. Vol. 2: 1840 – 1849]. Saint Petersburg: Rostok.
- Kireyevskiy, Ivan. (2002). *Razum na puti k Istine. Filosofskiy statyi, publitsistika, pisma. Perepiska s prep. Makariyem (Ivanovsn), startsem Optinoy Pustyni. Dnevnik*. [Reason on the Way to Truth. Philosophical Writings, Political Essays, Letters. Correspondance with Venerable Makariy (Ivanov), Starets of Optina Monastery. Diary]. Moscow: Pravilo very.
- Khomyakov, Alexey (1904). *Polnoye sobraniye sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova. T. VIII: Pisma*. [Complete Works of Alexey Stepanovich Khomyakov. Vol. VIII: Letters]. Moscow: Tipo-litografiya t-va I.N. Kushnerev i Ko.
- Khomyakov, Dmitriy (2011). *Pravoslaviye. Samoderzhaviye. Narodnost*. [Orthodoxy. Autocracy. National Ethos]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Khristoforov, Igor (2002). *“Aristokraticeskaya” oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850-seredina 1870-kh gg.)* [“Aristocratic” Opposition to the Great Reforms (end of 1850s – middle of 1870s)]. Moscow: Russkoye slovo.
- Kolerov, Modest (2020). *Pyotr Struve: revolyutsioner bez mass, 1870 – 1918* [Pyotr Struve: a Revolutionary Without the Masses, 1870 – 1918]. Moscow: Izdatelstvo knizhnogo magazina “Tsiolkovskiy”.
- Kotov, Alexander (2019). *Russkiy politicheskiy predmodern: Zabytiye “konservatory” vtoroy poloviny XIX veka*. [Russian Political Pre-modernity: The Forgotten “Conservatives” of the Second Half of the XIX Century]. Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Kuleshov, Vasiliy (1958). *“Otechestvenniye zapiski” i literatura 40-kh godov XIX veka* [“Russian notes” and literature of the 1840s]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Kuleshov, Vasiliy (1976). *Slavyanofily i russkaya literatura*. [Slavophiles and Russian Literature]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura.
- Lakoff, Sanford (1998). Tocqueville, Burke, and the Origins of Liberal Conservatism. In *The Review of Politics*. Vol. 60.3: 435 – 464.
- Leontyev, Konstantin (1996). *“Natsionalnaya politika kak oruzhiye vsemirnoy revolyutsii. Pisma k O. I. Fudelyu”* [National Policy as the Weapon of World Revolution. Letters to O. I. Fudel]. In *Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [The East, Russia and Slavdom]. Moscow: Respublika.
- Leontyev, Konstantin, Tertiyy Filippov (2012). *Proroki Vizantizma: perepiska K. N. Leontyeva i T. I. Filippova (1875-1891)* [The Prophets of Byzantism: correspondance between K. N. Leontyev and T. I. Filippov (1875-1891)]. Saint Petersburg: “Pushkinskiy Dom”.
- Maikov, Valerian (1985). *Literaturnaya kritika*. [Literary Criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
- Makashin, Sergey (1984). *Saltykov-Shchedrin. Seredina puti. 1860 – 1870-e gody: Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. Middle of the Way. 1860s-1870s: Biography]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Mannheim, Karl (1991). *Ideology And Utopia: Collected Works of Karl Mannheim, vol. 1*. London: Routledge.
- Mannheim, Karl (1993). “Conservative Thought”. In *From Karl Mannheim*. London: Routledge: 260-351.
- Mikhailovskiy, Nikolay (1897). *Sochineniya N. K. Mikhailovskogo v 6 tomakh. T. VI*. [The Works of N. K. Mikhailovskiy in 6 volumes. Vol. 6]. Saint Petersburg: Izdaniye redaktsii zhurnala “Russkoye Bogatstvo”.
- Milchina, B.A. (2017). *“Frantsuzy polezniye i vredniye”: nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolaye I.* [“Frenchemen useful and harmful”: Surveillance of Foreigners in Russia under Nikolai I]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Miller, Alexey (2010). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. An Essay on

- the Methodology of Historical Study]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Miller, Alexey (2013). *Ukrainskiy vopros v Rossiyskoy imperii*. [The Ukrainian Question in the Russian Empire]. Kiev: Laurus.
- Miller, Alexey (2016). *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa*. [Nation, or the Power of the Myth]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge.
- Milyukov, Pavel (1903). *Ocherki po istorii russkoy kultury. Ch. 3: Natsionalizm i obshchestvennoye mneniye*. [Essays on the History of Russian Culture. Part 3: Nationalism and Public Opinion]. Saint Petersburg: Izdaniye redaktsii zhurnala "Mir Bozhiy".
- Milyukov, Pavel (2003). *Ocherki istorii istoricheskoy nauki*. [Essays on the History of the Historical Science]. Moscow: Nauka.
- Mostovskaya, Наталья (1983). *I. S. Turgenev i russkaya zhurnalistika 70-kh godov XIX veka*. [I. S. Turgenev and Russian Journalism of the 1870s]. Leningrad: Nauka.
- Osterhammel, Jürgen (2014). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton, Princeton Univ. Press.
- Pipes, Richard (1980). *Struve: Liberal on the Right. 1905-1944*. Cambridge: Harvard University Press.
- Pipes, Richard (2005). *Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture*. New Haven & London: Yale University Press.
- Potantin, Grigoriy (1983). "Vospominaniya" [Memoirs]. In *Literaturnoye nasledstvo Sibiri. T. 6*. [The Literary Heritage of Siberia. Vol. 6]. Novosibirsk: Zap. Sib. Kn. Izd.-vo.
- Schmitt, Carl (1986) *Political Romanticism*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Simonova, Inna (2002). *Fyodor Chizhov*. Moscow: Molodaya Gvardiya.
- Solovyev, Vladimir (1989). *Sochineniya v 2 t. T I: Filosofskaya publitsistika* [Writings in 2 volumes. Vol. I: Philosophical articles]. Moscow: Pravda.
- Solovyev, Vladimir (1989). *Sochineniya v 2 t. T II: Chteniya o bogochelovechestve* [Writings in 2 volumes. Vol. II. Lectures on Godmanhood]. Moscow: Pravda.
- Solovyev, Kirill (2009). *Kruzhok "Beseda": v poiskakh novoy politicheskoy realnosti, 1899-1905* [The "Beseda" Circle: In Search of a New Political Reality, 1899-1905]. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN).
- Struve, Pyotr (1894). *Kriticheskiye zametki po voprosu op ekonomicheskom razvitii Rossii*. [Critical Remarks on the Question of Russia's Economic Development]. Saint Petersburg: tip. I. N. Skorokhodova.
- Struve, Pyotr (1900). "Predisloviye k russkomu perevodu" [Preface to Russian Translation]. In Schulze-Gävernitz, G., von. *Ocherki obshchestvennogo khozyaystva i ekonomicheskoy politiki Rossii* [Sketches on the Public Economy and Economic Policy of Russia]. Saint Petersburg, Moscow: Izdaniye magazina "Knizhnoye delo". Otdel N. M. Glagoleva: vii-xiv.
- Struve, Pyotr (1902). *Na razniye temy (1893 – 1901 gg.)*. [Concerning Various Topics (1893-1901)]. Saint Petersburg: Tipografiya A. E. Kolpinskogo.
- Sudakov, Andrey (2012). *Filosofiya tselnoy zhizni. Mirosozertsaniye I. V. Kireyevskogo*. [Philosophy of a Whole Life. The World-intuition of I. V. Kireyevskiy]. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya".
- Szacki, Jerzy (1981). *Historia myśli socjologicznej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Teslya, Andrey (2012). "Slavyanofilstvo skvoz prizmu neformalnykh otnosheniy" [Slavophilism through the lens of non-formal relations]. In *Khristianstvo i russkaya literatura. Vyp. 7* [Christianity and Russian Literature, iss. 7]. Ed. Vladimir Kotelnikov and Olga Fetisenko. Saint Petersburg: Nauka.
- Teslya, Andrey (2015). *Posledniy is "otsov": Biografiya Ivana Aksakova*. [The Last of the "Fathers": a Biography of Ivan Aksakov]. Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Teslya, Andrey (2016). "Depolitizatsiya kak politicheskoye deystviye (k istorii evolyutsii politicheskikh vzglyadov P. A. Kulishcha 1840-1850-kh godov)" [Depolitization as

- a Political Action (on the History of the Evolution of P.A. Kulishch's Political Views in the 1840s and 1850s]. *Obshchestvenniye nauki i sovremennost*. Vol. 4: 120-133.
- Teslya, Andrey (2018). "Ponyatiye 'natsionalizma v teoreticheskikh vozreniyakh V. S. Solovyeva." [The Concept of Nationalism in the Theoretical Views of V. Solovyev]. In *Russkiye Besedy: Ukhodyashchaya Natura* [Russian Conversations: Departing Nature]. Moscow: RIPOL Classic.
- Teslya, Andrey (2019). "K kharakteristike politicheskoy teorii slavyanofilov: o vozreniyakh I. V. Kireyevskogo" [On the Characteristics of the Slavophile Political Theory: Regarding the Views of I. V. Kireyevskiy]. *Vestnik Svyato-Filaretskogo instituta*. Vol. 31: 189-203.
- Teslya, Andrey (2020). "Polyaki, iezuiti, evrei i 'mif o zagovore': evolutsiya 'opasnogo drugogo v slavyanofilstve'" ["Poles, Jesuits, Jews and the "Conspiracy Myth": The Evolution of a "Dangerous Other" in Slavophilism]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye*. Vol. 162.2: 187-206.
- Tsimbayev, Nikolay (1986). *Slavyanofilstvo: Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka*. [Slavophilism: From the History of Russian Socio-political thought of the XIX Century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Ustryalov, Nikolay (1839). *Nachertaniye russkoy istorii, dlya srednikh uchebnykh zavedeniy. 2-e izd.* [The Writing of Russian History, for school use. Ed. 2]. Saint Petersburg: Tip. Rossiyskoy Akademii.
- Walicki, Andrzej (1964). W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Walicki, Andrzej (1979). *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*. Stanford: Stanford University Press.
- Walicki, Andrzej (2002). *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*, Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Wallerstein, Immanuel (2011). *The Modern World-System, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Berkeley: University of California Press.
- Whittaker, Cynthia Hyla (1984). *The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786-855*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Whittaker, Cynthia Hyla (1999). *Graf Sergey Semyonovich Uvarov i ego vremya* [Count Servgey Semyonovich Uvarov and his Time]. Saint Petersburg: Akademicheskij Projekt.
- Wortman, Richard (2000). *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol II*. Princeton: Princeton University Press.
- Yankovskiy, Yuriy (1981). *Patriarkhalno-dvoryanskaya utopiya: Stranitsa russkoy obshchestvenno-literaturnoy zhizni 1840-1850kh godov* [Patriarchal Noble Utopia: A Page from the Social-literary Life of Russia in 1840s and 1850s]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
- Zorin, Andrey (2001). *Kormya dvuglavogo orla: Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoi treti XIX veka*. [Feeding the Two-headed Eagle: Russian Literature and State Ideology from the Last Third of the XVIII Century to the First Third of the XIX Century].